

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

VOL.3 № 3

2026

RUS VA INGLIZ MANBALARIDA SAYYID ABDULAXADHONNING IMPERIYAVIY REPREZENTATSIYASI VA SIYOSIY OBRAZI (1885–1910)

Vaxabov Azizjon Xamidovich
Buxoro davlat universiteti, tayanch doktorant

Annotatsiya

Maqolada XIX asr oxiri — XX asr boshidagi rus va inglizzabon manbalar hamda qiyosiy tahlil uchun ilmiy muomalaga kiritilgan ayrim rus tilidagi tadqiqotlar asosida Buxoro amiri Sayyid Abdulahadxonning (1885–1910) siyosiy obrazi rekonstruksiya qilinadi. Eʼtibor markazida nafaqat Buxoro amirligining Rossiya imperiyasiga qaramligi masalasi, balki eng avvalo hokimiyatni representatsiya qilish mexanizmi turadi: taxt vorisligi bilan bogʻliq marosimlar, imperiya markazlariga safarlar, saroy marosimiyliigi, hadya-sovgʻa va xayriya amaliyotlari, shuningdek, monarxik maqomning vizual-simvolik bezagi. Rus va inglizzabon tasvirlarda hukmdorning ambivalent obrazi shakllanishi koʻrsatiladi: bir tomondan, imperiyaga sodiq va pragmatik aktor, sulolaviy hamda islomiy legitimlikni saqlab qoluvchi siyosiy arbob sifatida, ikkinchi tomondan esa, tuzumning strukturaviy cheklovlarini ramziy va representativ resurslar orqali kompensatsiya qiluvchi monarx sifatida. Metodologik jihatdan maqola janr farqlarini (publitsistika, sayohat qaydlari, xotira-etnografik tasvirlar, siyosiy-maʼmuriy matnlar) inobatga olgan holda narrativlarni qiyosiy oʻqishga tayanadi.

Kalit soʻzlar: Buxoro amirligi, Sayyid Abdulahadxon, siyosiy portret, hokimiyat representatsiyasi, rus protektorati, imperiya protokoli, rus manbalari, inglizzabon sayohatchilar.

ИМПЕРСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ САЙИД АБДУЛАХАД-ХАНА В РУССКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ (1885-1910)

Вахабов Азизжон Хамидович
Бухарский государственный университет, базовый докторант

Аннотация

В статье реконструируется политический образ эмира Бухары Сайид Абдулахадхана (1885-1910) по русским и англоязычным источникам конца XIX - начала XX вв. и отдельным русскоязычным исследованиям, введенным в научный оборот для сопоставительного анализа. В центре внимания находится не только вопрос о зависимости Бухарского эмирата от Российской империи, но прежде всего механизм репрезентации власти: ритуалы наследования, поездки в имперские центры, придворная церемониальность, практики дарения и благотворительности, а также визуально-символическое оформление монархического статуса. Показано, что в русских и англоязычных описаниях формируется амбивалентный образ правителя: с одной стороны, как лояльного империи и прагматичного актора, сохраняющего династическую и исламскую легитимность, с другой - как монарха, компенсирующего структурные ограничения режима символическими и репрезентативными ресурсами. Методологически статья опирается на сравнительное чтение нарративов с учетом жанровых различий (публицистика, путевые записки, мемуарно-этнографические описания, политико-административные тексты).

Ключевые слова: Бухарский эмират, Сайид Абдулахадхан, политический портрет, репрезентация власти, русский протекторат, имперский протокол, русские источники, англоязычные путешественники.

IMPERIAL REPRESENTATION AND THE POLITICAL IMAGE OF SAYYID ABDULAKHAD KHAN IN RUSSIAN AND ENGLISH-LANGUAGE SOURCES (1885–1910)

Vakhabov Azizjon Khamidovich
Bukhara State University, Doctoral Researcher

Abstract

This article reconstructs the political image of Sayyid ‘Abd al-Ahad Khan, Emir of Bukhara (1885–1910), on the basis of late nineteenth–early twentieth-century Russian and English-language sources, as well as selected Russian-language studies introduced into scholarly circulation for comparative analysis. The focus is not only on the question of the Bukharan Emirate’s dependence on the Russian Empire, but above all on the mechanisms of power representation: succession rituals, journeys to imperial centers, court ceremonial, practices of gift-giving and charity, and the visual-symbolic framing of monarchical status. The study demonstrates that Russian and English-language accounts construct an ambivalent image of the ruler: on the one hand, a loyal and pragmatic actor who preserves dynastic and Islamic legitimacy; on the other, a monarch who compensates for the regime’s structural constraints through symbolic and representational resources. Methodologically, the article relies on a comparative reading of narratives while taking genre differences into account (journalistic writing, travelogues, memoir-ethnographic descriptions, and political-administrative texts).

Keywords: Bukharan Emirate, Sayyid Abd al-Ahad Khan, political portrait, representation of power, Russian protectorate, imperial protocol, Russian sources, English-language travelers.

Проблема политического портрета эмира Саййид Абдулахадхана в историографии обычно рассматривается через призму протекторатных отношений с Российской империей, административной зависимости и кризисов позднего мангытского режима. Однако корпус русских и англоязычных материалов позволяет поставить более узкий и в то же время методологически продуктивный вопрос: каким образом власть эмира описывалась, визуализировалась и символически производилась в текстах разных наблюдателей и политических посредников.

Для данной статьи принципиально важно развести два аналитических уровня. Первый – событийно-политический (наследование, поддержка со стороны России, придворные назначения, кризисные эпизоды). Второй – репрезентативный (маршруты, церемониал, язык описания внешности, ритуалы щедрости, архитектурно-дворцовая сценография). Именно на пересечении этих уровней, как показывает сопоставление источников, формируется устойчивый образ эмира как правителя переходной эпохи.

Научная новизна предлагаемой версии статьи заключается в том, что политический образ эмира реконструируется не как сумма оценочных характеристик («реформатор», «деспот», «вассал» и т. п.), а как результат конкурирующих режимов описания в русских и англоязычных текстах. Такой подход позволяет избежать прямолинейной морализирующей схемы и показать, как один и тот же правитель мог одновременно выступать в роли династически легитимного мусульманского монарха, имперского союзника, церемониального актора и объекта критики.

Цель статьи – выявить структуру репрезентативной политики Абдулахадхана и показать, каким образом она соотносилась с механизмами внешней легитимации и ограниченной суверенности Бухарского эмирата в 1885–1910 гг.

Источниковую основу статьи составляют русские и англоязычные материалы, уже введенные в рабочий корпус исследования. К русскому блоку отнесены: П. Шубинский

(биографико-публицистическое описание эмира и обстоятельств воцарения), Д. Н. Логофет (административно-правовой и институциональный взгляд на ханство под протекторатом), Дмитрий Кавказский (визуально-этнографическая фиксация придворного пространства и ритуала), Г. Цвилинг (критический анализ «Бухарской смуты» и фискально-административного режима), О. А. Чернов (историографическая реконструкция роли политического агента Н. В. Чарыкова в вопросе престолонаследия), а также А. Г. Недвецкий как современная русскоязычная синтетическая интерпретация с привлечением дореволюционной периодики и воспоминаний.

Англоязычный блок включает материалы путешественников и наблюдателей (О. Olufsen, Henry Norman, E. G. Kemp, W. E. Curtis, W. Rickmer Rickmers, Skrine & Ross). Эти источники важны не только содержательно, но и жанрово: они фиксируют внешнее восприятие двора, повседневной практики власти, телесной и визуальной репрезентации правителя, а также способы включения Бухары в более широкий имперский и глобальный контекст.

Метод исследования – сравнительный-нарративный анализ с элементами дискурсивного анализа. Сопоставляются: жанры источников, ключевые описательные формулы, повторяющиеся мотивы (лояльность России, церемониальность, щедрость, простота/роскошь, религиозность, подозрительность, дистанция от столицы), оценочные рамки, в которых интерпретируется один и тот же политический акт. В статье сознательно используется принцип «контролируемой интерпретации»: фактические сведения отделяются от оценочных построений наблюдателей.

Русские источники и их позднейшие интерпретации сходятся в одном принципиальном пункте: политический образ Абдулахадхана с самого начала формировался в связке с внешним подтверждением его наследственного статуса. В реконструкции, связанной с деятельностью Н. В. Чарыкова, подчеркивается поддержка кандидатуры Абдулахадхана российской стороной и конфиденциальный характер коммуникации о будущем престолонаследии (Чернов, [с.4]).

Этот сюжет важен не только как эпизод дипломатической истории. В политико-символическом плане он задает исходную конфигурацию власти: династическая легитимность внутри мангытской среды оказывается усиленной имперским ресурсом снаружи. В последующих описаниях (в т. ч. у Шубинского и у позднейших русских авторов) данный момент воспроизводится как ключ к пониманию устойчивости его воцарения на фоне потенциальной междинастической конкуренции (Шубинский, Недвецкий).

Показательно, что нарратив о воцарении часто строится в ритуально насыщенной форме: путь из Кермине, сопровождение вооруженной свитой, молитва у святого места (Бахауддин), участие в похоронном и затем в коронационном цикле, обряд поднятия на белом войлоке и присяжные жесты элитных групп. В таком изложении политический порядок оформляется как совмещение трех каналов легитимации - династического, религиозного и внешнеполитического (Шубинский, Недвецкий).

Во втором кластере источников образ эмира выстраивается через повторяющиеся практики перемещения, приемов и публичной щедрости. Русские описания фиксируют многократные поездки Абдулахадхана в Москву, Санкт-Петербург и другие города империи, включая участие в коронационных и церемониальных событиях, а также курортно-представительские маршруты (Недвецкий).

В этой перспективе эмир выступает не только как «зависимый правитель», но и как активный участник имперского символического обмена. Дарение дорогих тканей, предметов, коней, награждение орденами, демонстративная щедрость в городском пространстве (в т. ч. в крымском контексте) выполняли функцию инвестирования в личный престиж и в управляемые отношения с имперскими и региональными элитами (Недвецкий

А.Г).

Англоязычные наблюдатели, хотя и иначе кодируют такие практики, также подчеркивают внешнюю сторону монархического статуса - видимость порядка, демонстрацию ранга, внимание к дворцовому протоколу и знакам различия. В совокупности это позволяет говорить о существовании устойчивой репрезентативной стратегии, где протокольное присутствие в имперском пространстве компенсировало ограничения реального суверенитета (Olufsen, [с. 575-577; Norman, [с. 304-305]; Kemp, [р.222]).

Сюжеты благотворительности (городские учреждения, религиозные проекты, пожертвования) в русских материалах часто подаются как часть позитивного публичного образа эмира, сопряженного с идеей «цивилизующей» лояльности. С методологической точки зрения это требует осторожности: подобные тексты одновременно являются источником фактов и носителем имперского оценочного языка.

Особенно продуктивным для реконструкции политического образа является корпус описаний, сосредоточенных на внешности, манерах, одежде, интерьерах и порядке приема. В этом отношении русский публицистический и мемуарно-этнографический материал (Шубинский; Дмитрий Кавказский) хорошо сопоставим с англоязычными путешествиями (Olufsen; Norman; Curtis; Rickmers; Skrine & Ross).

У П. Шубинского Абдулахадхан предстает как фигура, сочетающая личную дисциплину и простоту в быту с тщательно выстроенной официальной презентацией: национальная одежда в повседневности, военный мундир и орденские знаки в церемониальных ситуациях, регулярный режим дня, показная доступность в определенные дни и одновременно строгая придворная иерархия (Шубинский П., [с.118-141]). Такой образ не сводится к этнографической детали. Он работает как модель легитимной монархической субъектности.

Дмитрий Кавказский, фиксируя атмосферу приема, дворцовый интерьер и взаимодействие с русскими представителями, выводит на первый план сценографию власти - то есть производство впечатления через пространство, порядок входа, телесные дистанции, церемониальные роли и декоративную насыщенность (Дмитрий Кавказский, [с. 93-94]). В его описании особенно заметна двойная структура бухарского двора: сохранение восточной монархической формы при включенности в имперский контекст наблюдения и сопровождения.

Англоязычные авторы в целом подтверждают эту амбивалентность, но часто акцентируют разные аспекты: одни - экзотику и архаичность формы, другие - административную практичность, третьи - телесно-психологические черты правителя и его повседневные привычки. Именно жанровая неоднородность позволяет увидеть, что «образ эмира» не был фиксированным, а зависел от позиции наблюдателя и цели текста (Olufsen, [с. 574-582]; Norman, [с. 288-308]; Curtis, [с. 120-126]; Rickmers, [с. 596-602]; Skrine & Ross, [с. 384-385]).

Наряду с церемониально-позитивными описаниями в русском корпусе присутствует мощная линия критики, особенно заметная у Цвиллинга в контексте «Бухарской смуты». Здесь высшая власть изображается как вершина персоналистско-фискальной системы, где административная иерархия, патронаж и извлечение ресурсов формируют почву для кризиса легитимности (Цвиллинг, [с. 79-85], [с. 115-120], [с. 123], [с. 127-132]).

Для задач настоящей статьи важно не просто повторить эту критику, а показать ее значение как контробраза по отношению к официально-репрезентативной монархической фигуре. Если в церемониальных и биографических нарративах доминируют мотивы благочестия, щедрости, дисциплины и статуса, то в кризисном повествовании на передний план выходят дистанцированность верховной власти, фильтрация информации

фаворитами, слабость каналов обратной связи и зависимость от внешнего силового ресурса.

Тем самым один и тот же политический субъект оказывается помещен в две параллельные системы описания: (1) режим символического величия и (2) режим административной несостоятельности/кризиса. Это ключевой вывод, для политического портрета поскольку он помогает крайностей – идеализации и одностороннего обвинения.

Сопоставление русских и англоязычных источников показывает, что политический образ Абдулахадхана продуктивнее описывать через категорию «репрезентативной монархии ограниченного суверенитета». Эта категория, разумеется, не является самоназванием эпохи. Она используется как аналитический инструмент, позволяющий совместить три наблюдаемых уровня: внешнеполитическую зависимость, внутреннюю династико-религиозную легитимацию и интенсивное производство публичного символического капитала.

Во-первых, зависимость от Российской империи не устраняла, а напротив, усиливала потребность в сложной символической работе власти. Чем явственнее были ограничения самостоятельной внешней и военной политики, тем значимее становились церемониал, ритуал, поездки, дарение, благотворительность и архитектурно-дворцовая презентация статуса.

Во-вторых, русские и англоязычные авторы, несмотря на различие целей и оптики, довольно последовательно фиксируют гибридность политического стиля эмира: сочетание традиционной мусульманской монархической формы с адаптацией к имперскому протоколу и каналам коммуникации. Это не обязательно следует трактовать как «искреннюю модернизацию» или, напротив, как «чистую мимикрию», корректнее говорить о прагматике сохранения правящего статуса в условиях протектората.

В-третьих, критические русские нарративы (особенно кризисно-публицистические) не отменяют репрезентативный образ, а вскрывают его пределы. Там, где церемониал перестает конвертироваться в политическое управление, появляется резкое расхождение между сценой власти и ее административной результативностью.

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. В русских и англоязычных источниках политический образ эмира формируется как многослойная конструкция, где династическая и религиозная легитимация соединяется с внешним подтверждением статуса.

2. Репрезентативные практики - поездки по имперским центрам, придворный церемониал, визуализация ранга, дарение и благотворительность - выступают не периферийным, а центральным элементом политического функционирования власти в условиях ограниченного суверенитета.

3. Русские и англоязычные описания совпадают в фиксации гибридного характера бухарской монархической сцены, но расходятся в оценках: от акцентирования дисциплины, благочестия и щедрости до подчеркивания декоративности и компенсаторного характера внешней роскоши.

4. Кризисные русские тексты (в частности, связанные с «Бухарской смутой») выявляют пределы репрезентативной политики, показывая расхождение между символическим капиталом режима и его управленческой состоятельностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернов О. А. Деятельность российского политического агента Н. В. Чарыкова в Бухарском эмирате // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2008. Т. 8. Вып. 1. С. 4-5
2. Цвиллинг Г. Бухарская смута // Средняя Азия. 1910. No. 2-3. С. 79-132.
3. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб.: Санкт-

Петербург, 1911. С. 231-235.

4. Шубинский П. Очерки Бухары // Исторический вестник. Санкт-Петербург. 1892. Выпуск. 49. С. 118-141.
5. Дмитрий Кавказский. По Средней Азии. Записки художника. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1894. С. 93-94.
6. Недвецкий А. Г. Правители Бухары. 2018 // <https://greylib.align.ru/410/a-g-nedveckij-praviteli-buxary.html>
7. Curtis W. E. Turkestan: The Heart of Asia. New York, 1911. С. 120-126.
8. Kemp E. G. The Face of Russian Turkestan. London, 1910. С. 222-223.
9. Norman H. All the Russias. New-York, 1902. С. 288-308.
10. Olufsen O. The Emir of Bukhara and His Country. London, 1911. С. 574-582.
11. Rickmer Rickmers W. The Duab of Turkestan. London, 1913. С. 596-602.
12. Skrine C. L., Ross E. D. F. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, 1899. С. 384-386.